

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-77-85>

УДК 316.73

ББК 71.04

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. А.Л. Казин
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2025 г. Е.В. Жданова
г. Санкт-Петербург, Россия

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ Ф.Ф. ИНГОЛЬДА: АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация: Интерес к русской литературе не угасает за рубежом на протяжении последнего столетия. Произведения русских поэтов активно переводятся на немецкий язык. Важным событием в немецкой славистике становится каждое издание антологии русской поэзии. В 2012 г. увидела свет антология русской поэзии, составленная швейцарским славистом Феликсом Филиппом Ингольдом, в которой представлена подборка из ста тридцати стихотворений на русском языке с его авторскими переводами. Антологию Ингольда отличают от предшественников ее оригинальная концепция, нестандартный выбор стихов и их поэтический, а не подстрочный перевод. Ингольд предлагает ретроспективный взгляд на русскую поэтическую мысль: книга начинается стихотворением Бориса Рыжего (2000 г.) и заканчивается стихотворением Константина Батюшкова (1817 г.). Антология призвана продемонстрировать тематическую и жанровую широту русской поэзии, а также ритмический портрет той или иной эпохи. Каждый из поэтов представлен в книге, независимо от известности и масштабов его творчества, одним стихотворением. Подробное приложение-комментарий Ингольда содержит анализ выбранных произведений и биографические сведения о поэтах. Культурологические эссе слависта, опубликованные ранее, поясняют позицию ученого: Ингольд видит в русской поэзии один из видов «нутряной» русской философии, недаром в России поэту издавна отводится роль пророка и мыслителя.

Ключевые слова: Русская поэзия, антология, немецкая славистика, русская литература, Феликс Филипп Ингольд.

Информация об авторах:

Александр Леонидович Казин — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Российский институт истории искусств, Исаакиевская пл., д. 5, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия; профессор, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, ул. Правды, д. 13, 191119 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1740-6448>

E-mail: alkazin@yandex.ru

Елена Васильевна Жданова — научный сотрудник, Российский институт истории искусств, Исаакиевская пл., д. 5, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3073-3929>

E-mail: elena.v.zhdanova@gmail.com

Дата поступления статьи: 24.04.2024

Дата одобрения рецензентами: 18.10.2024

Дата публикации: 25.03.2025

Для цитирования: Кизин А.Л., Жданова Е.В. Антология русской поэзии Ф.Ф. Ингольда: авторский взгляд // Вестник славянских культур. 2025. Т. 75. С. 77–85. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-77-85>

Чтобы понять поэта, нужно побывать в его стране. Литературное путешествие в Россию совершил швейцарский филолог и поэт Феликс Филипп Ингольд, представляя немецкоязычному читателю сборник стихов русских поэтов в своем переводе. Дело переводчика вообще нелегкое, а переводчика стихов — в особенности. Каждое стихотворение есть неразрывное единство смысла и слова, и, по существу, трудно сказать, что здесь первично — острога переживания, глубина мысли или музыка звучащей и письменной речи. Можно было бы опасаться, что замысел Ингольда заранее обречен на неудачу, если бы не немецкая тщательность в отношении языковых деталей, которые переводчик старается максимально учесть, а также внимание к исходному смыслу переводимого текста. «Что» и «как» в настоящем сборнике неразрывны, и «что» в данном случае есть именно Россия в некоторой ее загадочности для западного читателя. «Не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный, что сквозит и тайно светит в глубине твой смиренной», — писал Федор Тютчев. Книга переводов Ингольда отчасти старается преодолеть это суждение нашего великого поэта. Швейцарского филолога интересует не только «плетение словес» — его поэтическая интуиция обращена на русскую жизнь, то самое русское бытие, которое плохо укладывается в западные рациональные системы, но зато обращено своей стихийностью и антиномичностью к поэзии и еще к музыке как главным своим выразителям. Именно русская литература и русская музыка прежде всего представляют Россию в Европе. Впрочем, они не так далеки друг от друга, что еще раз подтверждают мастерские переводы Ингольда.

Антология русской поэзии, составленная швейцарским славистом Феликсом Филиппом Ингольдом «“Читать как приветствие”. Русская лирика с 2000 до 1800» [3], увидела свет в 2012 году и стала крупным событием в мире немецкой славистики. Под ее обложкой собраны сто тридцать стихотворений русских поэтов с параллельными поэтическими авторскими переводами Ингольда на немецкий язык. Имя Феликса Филиппа Ингольда, исследователя, переводчика и поэта хорошо известно в немецкоязычной славистике благодаря его поэтологическим и культурно-историческим трудам. В переводах Ингольда на немецком языке изданы сборники стихов Иосифа Бродского, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Геннадия Айги; работы Василия Розанова и Льва Шестова; статьи, посвященные творчеству Ф.М. Достоевского, А. Платонова и т. д. За поэтические переводы Ингольд был удостоен премии Петрарки (1989), Эрлангенской премии художественного перевода (2005); за собственные поэтические сборники — премии Эрнста Яндля и др.

Несмотря на то что сборники стихов отдельных поэтов регулярно издаются на немецком языке, русская лирика все еще остается для немецкоязычного читателя в значительной степени terra incognita. Среди книг последних десятилетий немецкому читателю наиболее знакомы несколько антологий и сборников русской поэзии. Это, например, сборник русской поэзии «Русская поэзия трех веков» (1981), составлен-

ный эмигрировавшим в 1974 г. ленинградским литературоведом Ефимом Эткиндром [2]. В эту антологию вошли стихотворения ста тридцати поэтов и поэтесс. Наибольшим числом произведений представлено творчество А.А. Ахматовой, А.С. Пушкина, Б.Л. Пастернака, Ф.И. Тютчева и С.А. Есенина [13, с. 108].

Несколько переизданий выдержал сборник «Русская поэзия. От истоков до современности» Кая Боровского и Лудольфа Мюллера 1983 г., который расширялся с каждым новым переизданием вплоть до 1998 г. [1]. Лудольф Мюллер, один из основателей факультета славистики в Тюбингене, автор многочисленных трудов по истории культуры и литературы Древней Руси и России, включил в антологию раздел древнерусской литературы. Так сборник в переиздании 1991 г. начинается со «Слова о полку Игореве» и завершается стихами Б. Ахмадулиной, Ю. Мориц, В. Высоцкого, И. Бродского и Б. Шапиро. В этом издании дан подстрочный перевод на немецкий язык. Лудольф Мюллер в 1980-х в предисловии к вышеназванной антологии «Русская лирика трех веков» писал:

Серьезность высказывания важнее для русского поэта, стоит для него выше, чем оригинальность формы и, возможно, это основная черта русской лирики вообще [12, с. 182].

Именно поэтому для переводов составителями была выбрана форма подстрочника.

Сборник «Русская поэзия» 2002 г. Бодо Зелинского, профессора славистики из Кельнского университета, насчитывает переводы тридцати семи поэтов, начиная с произведений М. Ломоносова и Г. Державина и заканчивая стихами Д. Пригова, Е. Шварц и О. Седаковой [4]. Подстрочные переводы выполнены разными немецкими авторами и сопровождаются небольшими исследовательскими эссе с анализом представленных стихотворений.

Антологию Ингольда отличают от предшественников ее оригинальная концепция, нестандартный выбор стихов и их поэтический, а не подстрочный перевод. Ингольд предлагает ретроспективный взгляд на русскую поэтическую мысль: книга начинается стихотворением Бориса Рыжего (2000 г.) и заканчивается стихотворением Константина Батюшкова (1817 г.). Обратный хронологический порядок чтения позволяет читателю постепенно углубляться в толщу времени и наблюдать смену тем, языковых стилистических предпочтений, характерных для того или иного периода. Кроме того, Ингольд решил отказаться в своей антологии от многих «канонизированных» имен и известных стихотворений ради включения в книгу малоизвестных поэтов и малоизвестных произведений ключевых русских поэтов. Во введении автор объясняет свой выбор тем, что не желает представить немецкому читателю книгу «великолепной монотонности, где шедевр сменяет шедевр», так как в подобных антологиях «появляются всегда одни и те же авторы и, в основном, одни и те же стихи» [3, с. 7]. Напротив, Ингольд предлагает авторскую подборку, демонстрирующую тематическую широту русской поэзии, ритмический портрет той или иной эпохи.

Каждый из поэтов представлен в книге, независимо от известности и масштабов его творчества, одним стихотворением. За стихотворной частью следует подробное приложение-комментарий Ингольда к стихам и биографиям поэтов. По сути, приложение — это своеобразный труд-исследование, посвященный судьбам представителей русской литературы и анализу представленных в книге стихов. В этом приложении можно найти захватывающие биографии малоизвестных поэтов (таких, например,

как декабрист Гавриил Батеньков); любопытные замечания о параллелях между произведениями русской и европейской поэзии: например, сравнение Генриха Сапгира с Эрнстом Яндлем; ссылка к стихотворению Федора Тютчева на более позднее стихотворение К.Ф. Мейерса «Римский колодец»; переключка русского стихотворения Райнера Марии Рильке [10] «Я так устал...» со стихотворением Гете «Лесной царь» и др. Роль послесловия в книге играет статья Романа Якобсона «Заметки о путях русской поэзии».

Ингольд объясняет свой выбор тем, что антология — др.-греч. ἀνθολογία, дословно «собрание цветов, цветник». И весь «литературный континент», какова бы ни была его природа, состоит отнюдь не только из цветов в расцвете сил, но также (и в гораздо большей степени) из малых трав, без которых поэтическая флора была бы неполной и монотонной. По мнению Ингольда, подборка шедевров утомляет, мешает критическому вдумчивому чтению, особенно в таком напряженном и насыщенном виде искусства, как поэзия. Ингольд сетует на то, что богатство русской поэзии за рубежом, как правило, представлено переводами лишь нескольких поэтов. Иосиф Бродский — хороший тому пример. Он принадлежит к числу избранных, которые, по словам Ингольда, «пропитаны непреходящей славой на международном уровне» [3, с. 11], но эта ограниченность часто мешает делать новые открытия.

Феликс Филипп Ингольд перевел для антологии сто тридцать русских стихотворений, отличающихся тематическим и жанровым многообразием, стараясь при этом воспроизвести стихотворный размер и звукопись русских оригиналов на немецком языке. В отличие, например, от Лудольфа Мюллера, делавшего акцент на серьезности поэтического высказывания, Ингольд своими переводами стремится подчеркнуть важность формы в русской поэзии. Решающим для него является акцент на артистизме русской поэтической речи, фактор, который часто упускается из виду при переводе русской литературы. Ингольд отмечает, что своим переводом хочет предложить больше, чем просто подстрочник или «пособие для чтения» русского текста, а именно «воссоздать стихотворение в целом». Переводы некоторых произведений весьма впечатляют. Например, в переводе стихотворения «Я русский, я русский, я рыжий» 1929 г. Константина Бальмонта, как Ингольд отметил в комментарии, он постарался хотя бы в некоторой степени передать ассонансы, внутренние рифмы и общую музыкальность языкового материала:

Я русский, я русский, я рыжий.
Под солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
Locken,
В волну золотистых волос.

Я русский, я рыжий, я русский.
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для кадил.
Schwenkfässer her.

Я рыжий, я русский, я русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я — тропинкою узкой,
Приду — как широкий рассвет.
1929

Bin Russe, ein blonde, ein roter,
Geboren, erwachsen im Licht.
Nicht nachts, Glaub mir! Schau meine
Das glitzernde goldene Gesicht.

Bin Russe, ein roter, ein blonder.
Mich zog es schon immer ans Meer.
Der Bernstein gefiel mir besonders.
Ich stelle auch Ketten für

Bin blond, bin ein Roter, ein Russe.
Ich kenne die Weisheit, den Wahn.
Ich geh auf dem einsamen Flussweg,
Ich komme auf lichtvoller Bahn.
1929

В некоторых стихах (например, «Отговорила роща золотая...» Сергея Есенина) это было сделать крайне сложно, в виду особенностей фонетики немецкого языка.

Кроме интереса к форме, Ингольд подчеркивает важность тонких аспектов в переводе поэзии. Так в своем эссе «Камень преткновения» [8] он наглядно демонстрирует, насколько внимательно его отношение к нюансам перевода. Речь идет об употреблении артиклей при переводе с русского на немецкий. Русский язык не знает артикля, ни определенного, ни неопределенного. Только контекст, в котором встречается слово, или интонация, с которой оно произносится, позволяют различать неопределенность и определенность. В отличие от этого, в немецком языке есть три способа показать эти категории: говорящий просто должен знать, что он хочет сказать, что он хочет дать понять; немецкий язык имеет для этого готовые регистры. В качестве примера неточного употребления артикля Ингольд приводит переводы своих предшественников на немецкий стихотворений «Камень» и «Путешествие в Армению» Осипа Мандельштама, где, по мнению Ингольда, упущены нюансы неопределенности. Ингольд отмечает, что в немецком “Der Stein” с артиклем может означать только определенный (этот, тот) камень, но у Мандельштама его следует понимать не в какой-то определенности и специфике, а в целом как обозначение «камня», как твердой, тяжелой, поддерживающей материи, на метафорическом уровне, для предложения, составленного из слов, для стихотворения, составленного из стихов и строф, — камень здесь обозначает также статичность, образ собора, пирамиды, города (Санкт-Петербурга). На немецкий язык это слово должно быть переведено без артикля: “Stein”.

Большую часть антологии Ингольд посвящает XX в. — 104 произведения, против 26 стихотворений XIX в. Значительное внимание составитель уделил также поэтам-концептуалистам 1970–1990 гг., например, стихотворению Льва Лосева «Ткань. Докторская диссертация», которое начинается следующим образом:

Текст значит ткань. 1. Расплести по нитке тряпицу текста.
Разложить по цветам, улавливая оттенки.
Затем объяснить, какой окрашена краской
каждая нитка. Затем — обсуждение ткачества ткани:
устройство веретена, ловкость старухиных пальцев.
Затем — дойти до овец. До погоды в день стрижки.
(Sic) Имя жены пастуха. (NB) Цвет ее глаз.

<...>

1. Text bedeutet Gewebe. 1 Einen Textlappen auftrennen dem Faden nach.
Zerlegen nach Farben und Nuancen aufspüren dabei.
Danach abklären, mit welcher Farbe Faden um Faden
Getränkt ist. Dann — Erörterung der Webart des Gewebes:
Mechanismus der Spindel, Geschicklichkeit der greisen Finger.
Dann zurück zu den Schafen. Bis zum Wetter am Tag der Schur.
(Sic:) Der Name der Frau des Hirten. (NB:) Ihre Augenfarbe.

<...>

Вероятно, над этим стихотворением Ингольд размышляет в своем эссе «Поэзия как ткань» следующим образом: сам термин «текст», следует понимать как метафору: лат. “textus” означает «ткань, плетение» (от “texere”, ткать). Реализуя эту метафору, человек обращается к знакомой материи, состоящей из горизонтальных и вертикальных, переплетенных, взаимно накладывающихся нитей. Становится очевидным, что переплетение создает мельчайшие, невидимые пробелы. Теперь это свойство можно было бы

условно отнести к языковому или литературному тексту, который также имеет эти два измерения, а именно: языковой материал и то, что они означают, их смыслы. Два противоположных, функционально разных уровня действуют друг через друга, и благодаря этому взаимодействию текст становится читаемым как поэтическое высказывание. Но наряду с пересекающимися нитями в ткани обнаруживаются и пустоты (отверстия, промежутки). Пробелы придают чтению третье измерение, а именно свободу для самостоятельного толкования текста, смысл (который может возникнуть только при толковательном или ассоциативном чтении) не имел бы возможности раскрыться без этих пробелов [5].

Другие ранее опубликованные эссе Ингольда проясняют позицию слависта о русской поэзии. В своем эссе «Диктант» он пишет, что, по Эдмону Жабесу, поэзия — это самый интенсивный способ чтения [6]. Соответственно интенсивный по языку, смыслу и осмыслению. Недаром в России поэту отводится роль философа, нравственной инстанции, пророка, это во многом объясняет, почему стихи и их авторы по сей день пользуются большим уважением в российском обществе. Ингольд вспоминает слова Ахматовой «Если никто не диктует, — сказала она однажды в разговоре, — просто невозможно писать» [6]. В эссе “*Filosofari necesse est, vivere non est*” Ингольд приводит размышления постмодернистского мюнхенского философа Игоря Смирнова о том, что в мире читают русскую литературу, но не читают русскую философию, а также цитирует Павла Флоренского:

Нет никаких сомнений в том, что философия «головы» у нас никогда бы не смогла утвердиться [7].

Теперь, возможно, становится понятным, говорит Ингольд, почему в России недавние философские усилия относятся скорее к «нутру», чем к «голове», и, возможно, поэтому литература в России воспринимается одновременно и как искусство, и как предмет философии. Истинная «философия» как любовь к мудрости всегда практиковалась в России в большинстве случаев вне академических институтов и, если не считать идеологического системного мышления бывшей советской философии, — была и остается бессистемной [7]. Ингольд предлагает читать ее между строк, а поэтический текст — лучший материал для этого; стихи не просто ткань, но также произвольно продолжающийся герменевтический процесс.

Любая антология претендует на некую полноту отражения литературного процесса. Вместе с тем, это авторское издание. Именно составитель создает корпус текстов, выбирает тип перевода и комментария. Антология Феликса Филиппа Ингольда предлагает читателю широкий угол зрения на русскую поэзию. В целом, позиция Ингольда совпадает с позицией русского филолога Михаила Гаспарова, который, по словам Ольги Седаковой, сравнивал работу филолога с работой естествоиспытателя, для которого всякое животное — животное, и крыса не менее интересна, чем слон [9]. Эпиграфом к своей незаконченной авторской рукописи о Риме М.Л. Гаспаров выбрал слова Макробия:

Не презирай того, что тебе знакомо, и не пренебрегай тем, что тебе незнакомо [11].

Они как нельзя лучше подходят для описания стратегии, выбранной Феликсом Филиппом Ингольдом для создания антологии русской поэзии.

Список литературы

Исследования

- 1 Borowsky K., Müller L. Russische Lyrik. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart: Reclam, 1983. 731 S.
- 2 Etkind E. Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten. Ausgewählt und eingeleitet von Efim Etkind. München: R. Piper & Co. Verlag, 1987. 575 S.
- 3 Ingold F.P. Als Gruss zu lesen. Russische Lyrik von 2000 bis 1800. Zürich: Dörlemann Verlag, 2012. 532 S.
- 4 Zelinsky B., Herlth J. *Die russische Lyrik*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2002. 491 S.

Источники

- 5 Ingold F.Ph. Dichtung als Textil // LyrikText. URL: <https://www.lyriktext.de/ingold-essays/dichtung-als-textil/> (дата обращения: 18.04.2024).
- 6 Ingold F.Ph. Diktat // LyrikText. URL: <https://www.lyriktext.de/ingold-parva-poetica/diktat/> (дата обращения: 18.04.2024).
- 7 Ingold F.Ph. Filosofari-necesse-est-vivere-non-est // LyrikText. URL: <https://www.lyriktext.de/ingold-parva-poetica/filosofari-necesse-est-vivere-non-est/> (дата обращения: 18.04.2024).
- 8 Ingold F.Ph. “Stolperstein” // Felix Philipp Ingold: LyrikText. URL: <https://www.lyriktext.de/ingold-parva-poetica/stolperstein/> (дата обращения: 18.04.2024).
- 9 Божович М., Седакова О. Ненасильственная сила. Поэт Ольга Седакова — о жизни, друзьях и стихах // Правмир. 13.02.2012. URL: <https://www.pravmir.ru/nenasilstvennaya-sila-poet-olga-sedakova-o-zhizni-druzyah-i-stihah/> (дата обращения: 18.04.2024).
- 10 Жданова Е.В. О международном проекте «Рильке и Россия» (2017–2018) // Временник Зубовского института. 2023. Вып. 3 (42). С. 167–180.
- 11 Махова, Мария. О рукописи, найденной в записной книжке Михаила Гаспарова // Издательство «Иллюминатор». 02.02.2023. URL: <https://illuminator.press/journal/01-quot-gasparov/> (дата обращения: 17.10.2024).
- 12 Никонова Н.Е. Подстрочник поэтического текста: история, типология и роль в межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 179–189.
- 13 Стеглянникова С.Ю. Е.Г. Эткинд и Ф. Ингольд как авторы-составители немецких антологий русской поэзии: опыт сопоставления стратегий // Язык и культура. 2017. № 38. С. 105–116.

© 2025. Aleksandr L. Kazin
Saint Petersburg, Russia

© 2025. Elena V. Zhdanova
Saint Petersburg, Russia

ANTHOLOGY OF RUSSIAN POETRY BY F.F. INGOLD: THE AUTHOR'S VIEW

Abstract: Interest in Russian literature has not faded abroad over the past century, despite all the historical vicissitudes. The works of Russian poets are actively translated into German. Every edition of the anthology of Russian poetry becomes an important event in German Slavistics. In 2012, an anthology of Russian poetry was published, compiled by Swiss Slavist Felix Philippe Ingold. This anthology presents a selection of one hundred and thirty poems in Russian with its author's translations. Ingold's anthology is distinguished from its predecessors by its original concept, non-standard selection of poems and their poetic, rather than subscript translation. Ingold offers a retrospective look at the Russian poetic thought: the book begins with a poem by Boris Ryzhy (2000) and ends with a poem by Konstantin Batyushkov (1817). The anthology aims to demonstrate the thematic and genre breadth of Russian poetry, as well as a rhythmic portrait of a particular era. Each of the poets is represented by one poem in the book, regardless of the fame and scale of his work. Ingold's detailed commentary appendix contains an analysis of selected works and biographical information about the poets. Cultural essays published earlier explain the scientist's position: Ingold sees Russian poetry as one of the types of the “inner” Russian philosophy, and there is a good reason that a poet has long been assigned the role of a prophet and thinker in Russia.

Keywords: Russian Russian poetry, anthology, German Slavistics, Russian literature, Felix Philipp Ingold.

Information about authors:

Aleksandr L. Kazin — DSc in Philosophy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russian Institute of Art History, St. Isaac's Sq., 5, 190000 St. Petersburg, Russia; Professor, St. Petersburg University of Film and Television, Pravdy St., 13, 191119 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1740-6448>

E-mail: alkazin@yandex.ru

Elena V. Zhdanova — Researcher, Russian Institute of Art History, St. Isaac's Sq., 5, 190000 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3073-3929>

E-mail: elena.v.zhdanova@gmail.com

Received: April 24, 2024

Approved after reviewing: October 18, 2024

Date of publication: March 25, 2025

For citation: Kazin, A.L., Zhdanova, E.V. “Antology of Russian Poetry by F.F. Ingold: the Author’s View.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 75, 2025, pp. 77–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-77-85>

References

- 1 Borowsky Kay, Müller Ludolf. *Russische Lyrik. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart, Reclam, 1983. 731 p. (In German)
- 2 Etkind Efim *Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten. Ausgewählt und eingeleitet von Efim Etkind*. München, R. Piper & Co. Verlag, 1987. 575 p. (In German)
- 3 Ingold Felix Philipp *Als Gruss zu lesen. Russische Lyrik von 2000 bis 1800*. Zürich, Dörlemann Verlag, 2012. 532 p. (In German)
- 4 Zelinsky Bodo, Herlth Jens *Die russische Lyrik*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Publ., 2002. 491 p. (In German)